

УДК 008+930.85

ББК 71(2)51+63.3(2)46

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. Л. Б. Сукина
с. Вельково, Переславский р-н, Россия

ГОМИЛЕТИКА ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО И ТРАНСФЕР ЕВРОПЕЙСКОГО ГУМАНИЗМА В КУЛЬТУРУ РУССКОГО БАРОККО НАЧАЛА XVIII В.

Аннотация: Одной из важнейших проблем при изучении формирования и особенностей русской культуры раннего Нового времени является понимание механизмов ее трансформации, связанной с рецепцией европейского ренессансного и барочного гуманизма. В статье для решения этой задачи используется теория культурного трансфера (М. Эспань, М. Вернер). Большая роль в межкультурных коммуникациях между Европой и Россией в то время принадлежала церковным деятелям и интеллектуалам, выходцам из украинских и белорусских земель. Цель настоящей статьи — рассмотреть интеллектуальный путь Димитрия Ростовского (Туптало) как активного участника трансферного процесса, формировавшего новые интенции культуры, результатом действия которых стал феномен российского Просвещения. В статье рассмотрены этапы интеллектуального становления Димитрия: учеба в Киевской академии, проповедническая деятельность при архиерейском дворе в Чернигове. Особое внимание уделено «московскому» периоду его деятельности (с 1701 г.), когда в новых социокультурных условиях происходила трансформация освоенных им в предыдущий период риторических и литературных приемов иезуитского красноречия, источниками которых для воспитанников украинских духовных школ были сочинения польских проповедников. Гомилетика Димитрия оказалась важной частью того ретранслирующего поля, посредством которого осуществлялся перенос идей, образов и смыслов европейского гуманизма в религиозную культуру русского барокко.

Ключевые слова: русская культура, восточноевропейское барокко, европейский гуманизм, гомилетика, культурный трансфер.

Информация об авторе: Людмила Борисовна Сукина — доктор исторических наук, доцент, Институт программных систем Российской академии наук, ул. Петра Первого, д. 4 а, 152021 с. Вельково, Переславский р-н, Ярославская обл., Россия. E-mail: lbsukina@gmail.com

Дата отправки статьи: 06.02.2019

Дата публикации: 28.09.2019

Для цитирования: Сукина Л. Б. Гомилетика Димитрия Ростовского и трансфер европейского гуманизма в культуру русского барокко начала XVIII в. // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 21–33.

Одной из важнейших проблем при изучении формирования и особенностей русской культуры раннего Нового времени является понимание механизмов ее транс-

формации, связанной с рецепцией европейского ренессансного и барочного гуманизма. Думается, в этом деле может оказаться полезной теория культурного трансфера, получившая известность еще в середине 1980-х гг. благодаря исследованиям межкультурных связей Франции и Германии [22; 25]. В контексте ее методологии культуру петровского барокко конца XVII – начала XVIII вв. можно рассматривать как реципиента, европейскую гуманистическую культуру — донора, а позднеренессансную и барочную культуру Речи Посполитой, включая еще недавно входившие в ее состав белорусские и украинские земли, — ретранслятора идей, взглядов, вкусов и тенденций, определявших суть европейского культурного процесса этой эпохи. При этом трудно переоценить историческое и культурное значение личностей, которые в силу внешних обстоятельств и особенностей персональных биографий приняли активное участие в осуществлении межкультурных коммуникаций Европы и России. Одним из таких людей был митрополит Димитрий Ростовский.

Жизнь и труды Димитрия Ростовского давно являются предметом исследований. Объектами изучения становились вехи его биографии и современная ему эпоха, богословская и литературная деятельность, созданные им при Ростовском архиерейском дворе школа и театр [10]. Специальные исследования были посвящены анализу восприятия иезуитской науки XVI–XVII вв. в литературно-богословском наследии Димитрия [23] и бытованию сюжетов его «Руна орошенного» в «русских народных картинках» и иконописи [9]. Но, несмотря на большое количество публикаций и разнообразие исследовательских дискурсов, значение Димитрия Ростовского как одной из ключевых фигур переходной эпохи в истории русской культуры остается не в полной мере оцененным. Цель настоящей статьи — попытаться рассмотреть интеллектуальный путь Димитрия Ростовского как активного участника трансферного процесса, формировавшего новые интенции культуры, результатом действия которых стал феномен российского Просвещения.

Димитрий Ростовский (Данила Саввич Туптало, 1651–1709) принадлежал к характерной для второй половины XVII – начала XVIII вв. формации иерархов русской церкви и интеллектуалов — выходцев из украинских и белорусских земель, чье богословие и литературное творчество оказалось востребованным в России первых Романовых. Он был одним из немногих книжников и богословов своего времени, кому удалось не только почувствовать перемены, совершавшиеся в жизни русского общества в раннее петровское время, но и найти адекватные им формы проповедования, воспитания паствы, выработать собственный язык и стиль учительных сочинений. Его произведения насыщены цитатами, адресующими читателя не только к христианской патристике и признаваемой ею античной мудрости, но и к их транскрипциям в книжной культуре и гуманистической мысли Европы раннего Нового времени.

Основание интеллектуальной деятельности будущего церковного просветителя было заложено еще в период его отрочества. Предположительно начальное образование Данила Туптало получил дома, а в возрасте одиннадцати лет в 1662 г., когда его семья поселилась в Киеве, был отдан родителями в Киево-Братский училищный монастырь¹ [21, с. 5].

¹ Киево-Братский Богоявленский монастырь был основан как патриаршая ставропигия Константинопольским патриархом Иеремией в XVI в. В 1620 г. Иерусалимский патриарх Феофан учредил в монастыре братство и открыл при нем монастырское училище, которое в 1634 г. Петром Могилой было соединено с Лаврской школой и преобразовано в «коллегиум». В 1658 г. это учебное заведение получило статус академии (Киево-Могилянская академия) [13].

Учеба в монастырской коллегии, недавно преобразованной в академию, ее создателем Петром Могилой была организована по образцу иезуитских учебных заведений, с чьим влиянием на восточных территориях Речи Посполитой она должна была конкурировать. Основным языком преподавания в академии была латынь, большое внимание уделялось изучению церковнославянского, греческого и польского языков. В программу обучения, кроме катехизиса и богословия, были включены курсы церковной и светской истории, поэзии, риторики, философии, музыки и арифметики. Каждую субботу воспитанники должны были участвовать в диспутах [11]. При этом учебное заведение было внесословным, что открыло двери к получению разностороннего и уникального для восточнославянской культуры того времени образования для сына казацкого старшины.

В своей недавней статье А. М. Брискина-Мюллер показала, что образовательная система Киевской академии своими главными особенностями была обязана реформам Филиппа Меланхтона и Игнатия Лойолы, создавшими модели протестантского университета и католического (иезуитского) колледжума, соответственно, в Западной Европе раннего Нового времени [2]. Она сочетала идущий от Меланхтона «филологизм» образования в начальных классах с иезуитской философско-богословской и риторической подготовкой в старших. В основе курса философии было изучение трудов Аристотеля, богословие опиралось не только на патристическую и древнеправославную традицию, но и на схоластику Фомы Аквинского, а латынь учили по заимствованному у иезуитов учебнику испанского священника Эмануила Альвара (Emanuel Álvarez). Такой интеллектуальный синкретизм, по наблюдению Н. Йорга, был свойственен многим православным духовным школам, существовавшим в поствизантийском мире² [26].

Все это предопределяло своеобразие подготовки воспитанников Киевской академии. Первые шесть лет обучения (классы грамматики, пиитики и риторики) учащиеся впитывали идеи и взгляды гуманизма позднего Возрождения и Реформации, занимались чтением, переводом (прямым и обратным) и анализом подлинных античных текстов, приобретали навыки сочинения поэтических и прозаических текстов [11, с. 53]. А в высших классах (философии и богословия) они получали прививку схоластики, которая, как считал П. В. Знаменский, несмотря на то что сами преподаватели нередко путались в тонкостях схоластических приемов, приучала выпускников к сложной умственной работе, строгости и отчетливости в словах и мыслях [6, с. 222].

Данила Туптало пришел в училищный монастырь, когда его настоятелем и ректором академии был Иоанникий Галятовский (1660–1662), автор знаменитой книги о правилах составления проповедей и приемах церковного красноречия «Ключ разумения, с наукою, албо способ сложеня казане» (Киев, 1659). Неизвестно, успел ли юный воспитанник испытать на себе непосредственное влияние гомиластики своего старшего современника, так как тот вскоре покинул академию и не мог быть учителем Данилы в прямом смысле этого слова. Но основная мысль «Ключа разумения», что проповедник, если он хочет быть понятым и владеть вниманием паствы, не может ограничиваться Священным Писанием и Преданием, а должен привлекать яркие нравоучительные примеры из исторических и литературных сочинений (в том числе иноязычных и иноверных), несомненно, оказалась близка Димитрию Ростовскому в зрелый период жизни.

² До середины XVII в. украинская церковь и все ее структуры и институции находились под патронатом Константинопольского патриархата.

И. А. Шляпкин полагал, что Данила Туптало попал в академию не в самый удачный период ее истории. По мнению биографа, будущий митрополит проучился там только три года, так как Киево-Братский монастырь и его учебное заведение серьезно пострадали во время попытки гетмана П. Д. Дорошенко взять Киев. Неизвестно, смог ли Туптало продолжить занятия в период возобновления деятельности академии в 1669–1671 гг. [21, с. 5]. Возможно, отсутствием в образовании заключительной схоластической шлифовки объясняется преобладание в будущем в его богословских трудах литературной («пиитической») стороны над философской и предпочтение морального богословия догматическому.

Меж тем очевидно, что методы обучения и порядки Киевской академии Димитрий Ростовский до конца жизни воспринимал как образцовые. Заняв Ростовскую митрополичью кафедру, он вскоре организовал при архиерейском доме первую в России духовную школу с программой, которая на первых порах воспроизводила систему образования в низшем академическом классе грамматики [5, с. 25–26].

Независимо от того, смог ли в свое время Данила Туптало пройти полный курс Киевской академии, он сделал выбор в пользу продолжения интеллектуальных занятий. Путь к ним в Русском государстве, в состав которого недавно вошла часть украинских земель, пролегал тогда только через монашескую келью. В 1668 г. он принял постриг под именем Димитрий от настоятеля Кирилловского монастыря в Киеве Мелетия Дзика, который в 1662–1665 гг. был ректором академии, сменив на этом посту Иоанникия Галятовского, а потом до 1669 г. продолжал заведовать ее руинами [21, с. 6]. Детальных сведений о дальнейших отношениях Мелетия с его постриженником не сохранилось, но можно предположить, что учительная работа настоятеля с молодыми монахами в Кирилловской обители в то время не ограничивалась рамками обычного монастырского наставничества и в какой-то степени была призвана восполнить невозможность посещения академических классов. По мнению И. А. Шляпкина, о духовной близости Димитрия и Мелетия свидетельствует то, что, делая запись о смерти своего наставника, Димитрий называет его «преподобнейший мой игумен» (никому больше он не давал такого эпитета). Они оставались в переписке и тогда, когда Мелетий Дзик возглавил Михайловский Златоверхий монастырь [21, с. 11]. Возможно, от своего «преподобнейшего игумена» Димитрий усвоил независимую манеру мышления и поведения, которые будут способствовать его интеллектуальным занятиям, но мешать карьере.

Самостоятельную проповедническую деятельность Димитрий начал при архиерейском дворе черниговского архиепископа Лазаря Барановича в 24-летнем возрасте [21, с. 17–18]. В Чернигове в это время формировалась интеллектуальная среда, которая позже, в 1700 г., позволит создать здесь второе по значению после Киевской академии учебное заведение в восточнукраинских землях, вошедших в состав Русского государства, — коллегиум, прославленный как «Черниговские Афины» [15, с. 497].

В Чернигове в 1677 г. Димитрием была произнесена первая из дошедших до нас проповедей «Казание на страсти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» [3, с. 10]. Тогда же в типографии Новгорода-Северского была напечатана и его первая книга «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии» [3]. В ней был опробован ставший в дальнейшем традиционным для Димитрия метод подачи материала. Каждое описание чудес сопровождалось нравоучительным толкованием, насыщенным отсылками и цитатами из разнообразных текстов: от Священного Писания и святоотеческих сочинений до Плиния, Плутарха и византийского писателя-богослова и церковного историка Никифора Каллиста Ксанфопула, сочинения которых в то время еще не были полностью

переведены с греческого и латыни. Впоследствии Димитрия прославит книга «Руно орошенное» (первое издание — 1683 г.), созданная им на основе «Чуда», но отличающаяся более сложной литературной композицией и богатым набором цитат [7].

Природное красноречие Димитрия, которое он постоянно совершенствовал, принесло ему известность в украинских православных монастырях. Его проповеди украинского периода выявлены и исследованы М. А. Федотовой, выразившей справедливое сожаление, что далеко не все из них сохранились [19; 20]. Последнее обстоятельство не позволяет в полной мере проследить эволюцию богословского метода Димитрия до его переезда в Россию. Но в 1693 г. Варлаам Ясинский охарактеризует будущего Ростовского владыку как «искусного и благоразумного проповедника слова Божия» [1, с. 278].

Именно эта способность Димитрия привлекла внимание царя Петра I и окружавшего его духовенства. Россия в условиях усилившейся борьбы государства и церкви со старообрядчеством нуждалась в ярких проповедниках.

В 1701 г. Димитрий прибыл в Москву. В центре России тогда не было вакантных митрополичьих кафедр, и 50-летний украинский иеромонах был возведен в сан митрополита Тобольского и Сибирского, но в свою отдаленную митрополию не поехал, сказавшись больным, и остался на жительство в столице. В начале 1702 г. он получил Ростовскую митрополию, которой управлял до конца жизни [16, с. 774].

Об интенсивности проповеднической деятельности ростовского митрополита лучше всего свидетельствует один год его пребывания в столице. В 1705 г. Димитрия вызвали в Москву — наступил его черед служить придворным проповедником (это была обязанность, которую русские митрополиты исполняли в порядке очередности). Он приехал ко двору 1 сентября (к новому году по старорусскому сентябрьскому календарю, которого все еще придерживалась Церковь) и оставался в Москве весь 1706 г. Здесь ему приходилось произносить проповеди в придворных храмах почти каждое воскресенье и в дни больших церковных праздников. Только записанных проповедей Димитрия за осень 1705 г. и начало зимы 1706 г. сохранилось 12 [14, с. 196].

Киевская академия специально готовила своих студентов к проповеднической деятельности. Мы уже отмечали, что южнорусская школа церковного красноречия опиралась не столько на православную, сколько на католическую, иезуитскую традицию риторики. В качестве образца могилянцам предлагались проповеди известного польского проповедника XVII в. Фомы Млодзяновского, которого по смелости мысли сравнивали с крупнейшим деятелем польской контрреформации Петром Скаргой [14, с. 219]. В его изысканных текстах было немало отсылок к европейской богословской и литературной традиции эпохи Ренессанса, чье влияние на польскую культуру распространилось в XVI столетии, в том числе благодаря бракам Ягеллонов с представительницами австрийской и миланской династий (Сигизмунда I с Боной Сфорца, Сигизмунда Августа с Елизаветой Австрийской).

По правилам гомилетики того времени, устное слово образованного пастыря должно было отличаться стройностью, занимательностью и некоторой искусственностью, книжностью языка. И проповеди Димитрия Ростовского украинского периода, адресованные в основном просвещенным киевским и черниговским монахам, вполне соответствовали этому критерию. Для них характерно рафинированное изящество языка, красота формы и стиля с обилием цитат из святоотеческой литературы, не только восточной, но и западной (Киприан, Григорий Двоеслов, Иероним Блаженный, Фома Кампийский).

Оказавшись в России, Димитрий, видимо, быстро понял, что мудреное богословие киево-могилянской школы здесь не понятно не только мирянам, но и местному приходскому и монастырскому духовенству, не приветствуется оно и при дворе Петра I. Поэтому проповедование Димитрия быстро приобретает ярко выраженный нравоучительный и просветительный характер. Русские проповеди ростовского митрополита написаны простым и ясным языком, а внутренним диалогам, которые широко практиковались польскими и украинскими риториками, он намеренно придает оттенок наивности. В одной из своих проповедей он недвусмысленно говорит, почему выбрал такую манеру общения с паствой: «Какая польза от грома, если он не прольет дождя? Так и пышные слова не доставляют назидания» [18, с. 296].

К сожалению, неизвестен состав библиотеки, находившейся в распоряжении Димитрия Ростовского в России. Не до конца ясно также, какими языками и в какой степени он владел, но очевидно, что, как и многие воспитанники Киевской академии, он был полиязычным³. По «сноскам» и цитатам его проповедей и нравоучительных толкований в книгах можно установить, что Димитрий был хорошо знаком с патристикой и европейской агиографией, античной, средневековой европейской и польской ренессансной историографией и основными идеями натурфилософии Нового времени.

От обильного цитирования Димитрий не отказался и в России. Все свои сочинения он буквально насыщал чужой мудростью, продолжая следовать риторическим правилам, усвоенным еще в коллегии. По форме они напоминают «суммы», распространенные еще в схоластической теологии и философии. Но в условиях начинающегося петровского Просвещения ростовский митрополит уже позволял себе обнаружить знакомство с ренессансными и барочными литературными тропами, а также остроту и игривость собственного ума, настаивать на своем праве подвергнуть рецепции разумом даже текст Священного Писания. В одной из своих проповедей он поучает самого Иоанна Богослова, как тому следует вести себя с ангелом, настойчиво предлагающим апостолу съесть книгу Божественных Тайн: «Богослове Святой! Отвечай ангелу, что никогда не ешь ты книг, не на то они пишутся, чтобы их есть, но читать» [14, с. 222].

Моральное богословие было сердцевинной книжной и проповеднической деятельности Димитрия Ростовского. Проблемы христианской этики, благочестивой модели поведения православного христианина поднимаются практически во всех его трудах, включая «Четы-Минеи». Большую часть текстов своих нравоучительных проповедей митрополит оформлял в виде своего рода конспектов, которыми при необходимости мог бы воспользоваться даже достаточно грамотный приходский священник. Для такого будущего проповедника в тексте проповеди делались специальные пометки: до которого места позволительно говорить своими словами, где уместно вставить цитаты и откуда их позаимствовать, как одну и ту же проповедь можно приспособить к различным случаям.

Примечательно, что в трудах такого искушенного книжника, каковым слыл Димитрий, отсутствует систематическое изложение православной догматики. Из всех догматов христианского вероучения Ростовский митрополит, как и другие богословы русской церкви того времени, выбирает наиболее актуальные, соответствующие религиозному состоянию общества, терзающим его сомнениям и противоречиям. Это дог-

³ Проповеди и другие сочинения Димитрия Ростовского написаны на церковнославянском и русском, сохранившаяся переписка велась им преимущественно по-русски, записи в «Дариуш» (своего рода дневник) он вносил на польском языке. При этом Димитрий, вероятно, достаточно свободно читал и переводил латинские и греческие тексты.

матика не ученого-богослова, а пастыря, обращающегося к богословски малообразованной или вовсе профанной аудитории. Покажем это на характерном примере.

Светской и духовной власти требовалось, чтобы книжники и проповедники направляли острие своего красноречия в первую очередь против старообрядческого и протестантского вероучения. В центре внимания православных богословов оказываются подвергавшиеся атакам в протестантской литературе догматы о Троице и Таинстве Евхаристии. Их защите и толкованию в духе традиций православной веры в то время отводилось место даже в литературных предисловиях русских синодиков (книг для записи церковных поминаний).

Таинству Евхаристии посвящено и одно из самых известных сочинений Димитрия Ростовского «Двенадцать статей, иже уверяют сомнящихся, или неверство имущих человек о пресуществлении хлеба в Тело и вина в Кровь Господа нашего Иисуса Христа, многие образы наказующи» [17, с. 130–134]. Необходимость подобного увещания была вызвана историческими реалиями начала XVIII в., когда в петровской России усиливается культурное влияние протестантизма. Вместе с актуальными естественнонаучными, математическими и инженерными знаниями из протестантских стран Европы вольно или невольно импортируются и чуждые православию религиозные идеи. Протестанты, в отличие от православных и католиков, не признают пресуществления святых даров, а только допускают сопричастие действительных Тела и Крови Христовых в хлебе и вине.

Толкование догмата о Евхаристии включил в свой полемический труд «Камень веры» (Москва, 1728), направленный против вероучения протестантизма, и выдающийся церковный деятель и богослов Стефан Яворский. Но его текст с обширными цитатами из Священного Писания и Отцов Церкви — это образец схоластической богословской учености, адресованный узкому кругу образованного духовенства. Перед Димитрием, наоборот, стояла цель растолковать один из сложнейших христианских догматов провинциальным священникам, которые потом должны были донести мысли иерарха до мирян.

Особый интерес представляют первые восемь статей, написанные в излюбленной Димитрием форме диалога-poleмики с воображаемым оппонентом или поучаемым, которую он хорошо освоил, составляя проповеди по образцам Ф. Млодзяновского. В данном случае Ростовский митрополит ведет заочный диспут с неким сомневающимся собеседником, постоянно задающим «неудобные» вопросы, которые богослов парирует, подробно и обстоятельно обосновывая свою аргументацию.

В первой статье человеку, верующему в Бога, но не верящему в перевоплощение хлеба и вина, Димитрий предлагает давать стандартный ответ, характерный для всего христианского богословия: «Бог может ли что больше человека сотворити и выше разума его? И егда речет: может, рцы ему: то како не может дати нам плоти своя во снєдь?» [17, с. 130]. Но в дальнейшем он уже не может обойтись наставлениями в духе «веруй и не вопрошай», а вынужден убеждать, используя гуманистическое риторическое искусство и обращаясь не только к вере, но и к разуму наставляемого.

Воображаемому оппоненту Димитрия все в Таинстве Евхаристии кажется удивительным, невероятным, а потому невозможным в действительности. В ответ митрополит приводит примеры кажущихся обычными явлений окружающего мира, свойств и способностей самого человека, которым следует дивиться не меньше, чем чудесам, происходящим во время евхаристического действия. Так, на вопрос, как Христос может быть одновременно на небе и на алтаре в церкви, он отвечает: «<...> удивляйжєся же

и сему, како едино убо солнце, иже нас zde просвещает и согревает, и во едином времени есть и на небеси и на земли, и на востоце и на западе, и во всех странах мира. Тако и Христос во едином времени на небеси и на земле в пречистых тайнах <...>» [17, с. 130–131]. Объясняя, как Христос всем дается как единый и целый во многих частях, митрополит пишет: «<...> удивляй же и сему, како един глас мой и у мене есть во устех, и в ваших ушесех вкупе един глас» [17, с. 131]. В ответ на вопрос, как в малой части хлеба и вина умещается весь полный и целый Христос, Димитрий предлагает дивиться и тому, «како в таком малом зерне зеницы твоя таковы велици грады вмещаются и тем объемлются» [17, с. 132]. Съедаемый Христос не умаляется, так же, как пламя свечи, от которого в церкви зажигают множество свеч, не становится более тусклым. Христос, проходя по внутренностям человека, не оскверняется, как не оскверняется солнце, освещающее нечистоты [17, с. 132].

На вопрос, что происходит со святыми дарами в человеческом организме и не перевариваются ли они вместе с другой пищей, Димитрий отвечает: «<...> не со общими брашны в тление отходит, но, якоже святой Златоустый глаголет, применяется в некую тонкую пару оный посвященный хлеб и вино, и расходится во все составы тела нашего» [17, с. 132]. Далее он добавляет для тех, кому приходилось сталкиваться с естественной порчей евхаристического хлеба и вина в храме: «Если по небрежении святые Дары портятся, то тела Христова это не касается, а только внешнего вида хлеба и вина» [17, с. 132].

Заметим, что вопрос о сохранности Христова тела при порче святых даров был для Димитрия и его читателей далеко не праздным и касался не только тонкостей богословских суждений, но и повседневной церковной практики. На церковном соборе 1666 г. было принято специальное решение: «Де же вам (архиереям. — Л. С.) досматривать во всех церквах, где кому приказано, чтобы вино на божественную службу было чистое (без примесу), и не кислое, и не заплесневелое, и сосуды бы на вино и укропники были почасту измовены и с кровлями <...>» [12, с. 126].

Приведенная выше богословская и «натурфилософская» аргументация не была изобретена самим Димитрием. Используемый им способ подбора доказательств и объяснений был распространен в среде образованного малороссийского духовенства. Православные украинские и белорусские богословы второй половины XVII – первой половины XVIII вв. за неимением собственной восточнославянской традиции текстов катехизического назначения были вынуждены обращаться к внешним, как правило, католическим источникам и образцам [8]. Для большинства из них это были сочинения польских теологов, в свою очередь транслировавших европейскую латинскую ученость. Но в Киеве во второй половине XVII – начале XVIII вв. обращалось и немалое количество книг, изданных непосредственно в Западной Европе [24].

Выявление конкретных источников, текста «Двунадесяти статей» — задача будущих исследований. Но уже сейчас мы можем отметить, что о влиянии европейского ренессансного и барочного богословия на выбор их учительных «примеров», в частности, свидетельствует использование Димитрием некоторых метафорических образов, например, сравнение разделения просфоры с раскалыванием зеркала: «<...> удивляй же и сему, егда зеркало раздробится в малые части, образ же человеческий в нем не раздробляется, но во всякой части цель является, яко же и в полном зеркале» [17, с. 131]. Зеркало — один из характерных символов в культуре Возрождения и европейского барокко и в то же время распространенный в русском быту той эпохи и попу-

лярный в разных слоях населения предмет. Им пользовалось в том числе и рядовое духовенство, которому в первую очередь адресовано сочинение Димитрия Ростовского. В «Книге соборных деяний о разных делах и о нужных церковных винах вопросы (и ответы)», составленной после соборов 1666–1667 гг. Симеоном Полоцким, даже содержался специальный запрет держать зеркала в церкви (особенно в алтаре), смотреться в них и «чесати» перед ними «главу и браду» [12, с. 234]. Поэтому аллегория целого и разбитого зеркала и свойств отражения в нем была читателям поучения Димитрия вполне понятна не только в почерпнутом из книг метафорическом смысле.

Как и другие проповедники и богословы петровского времени, Димитрий Ростовский не был писателем в позднейшем значении этого слова, появившемся в России в эпоху Просвещения. Он все еще трудится во многом как восточнославянский средневековый книжник, составляя собственные проповеди из переработанных сочинений предшественников и современников, перемежая эти «авторизованные» пересказы цитатами из святоотеческих творений, Священного Писания и других доступных ему текстов. Но знание латыни, греческого и польского языков, опыт книжной работы, полученный в украинский период жизни, позволял Димитрию довольно свободно относиться к выбору источников компиляций. Подобно другим книжникам-малороссам, Ростовский митрополит создавал свои тексты, постоянно расширяя круг прямого и скрытого цитирования, в том числе и за счет обработки трудов католических и протестантских теологов и проповедников, античных, средневековых и ренессансных историков, церковных писателей и, возможно, даже сочинений эзотерического содержания⁴. «Авторский подход» проповедующего книжника начала Нового времени как раз и проявлялся в таком выборе, а также в умении выделять актуальные проблемы, в обсуждении которых были заинтересованы и власть, и общество. Поэтому его проповеди и полемические сочинения были востребованы и неоднократно переиздавались в последующее время. Его гомилетика оказалась важной частью того ретранслирующего поля, посредством которого осуществлялся перенос идей, образов и смыслов европейского гуманизма в религиозную культуру петровского барокко, ставшего питательной средой русского Просвещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Архив Юго-Западной России. Киев: Университетская тип., 1873. Ч. 5. Т. 1. 636 с.
- 2 *Брискина-Мюллер А. М.* К вопросу о влиянии духа гуманизма и Просвещения на личность и труды воспитанника Киевской академии преподобного Паисия Величковского // Труды Киевской Духовной академии. Киев: Киевская духовная академия и семинария, 2016. Вып. 25. С. 249–264.
- 3 *Димитрий Ростовский.* Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии / подгот. текста, вступит. ст., коммент. М. А. Федотовой. Чернигов: Вера и жизнь, 2013. 96 с.
- 4 *Евгений (Болховитинов), митрополит.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. М.: Русский Двор, 1995. 416 с.

⁴ Митрополит Евгений (Болховитинов) указывал на существование некоей «народной сказки» о том, что в молодости Димитрий Ростовский увлекался «предсказательными гаданиями» и вместе с Симеоном Полоцким предсказал в 1672 г. великую судьбу новорожденному царевичу Петру Алексеевичу. По мнению митрополита Евгения, эта «сказка», не имевшая под собой достоверных оснований, потом была включена Я. Штелином в составленную им книгу «Анекдоты о Петре Великом» [4, с. 86–87].

- 5 *Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб.: Летний сад; Коло, 2001. 800 с.
- 6 *Знаменский П. В.* История Русской Церкви: учебное руководство. М.: Крутицкое патриаршее подворье; Paris: Bibliotheque slave de Paris, 1996. 474 с.
- 7 *Каменева Т. Н.* Черниговская типография, ее деятельность и издания // Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М.: Библиотека им. В. И. Ленина, 1959. Т. 3. С. 224–383.
- 8 *Корзо М. А.* Украинская и белорусская катехизическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М.: Канон+, 2007. 672 с.
- 9 *Круминг А. А.* Книга святого Димитрия Ростовского «Руно орошенное» как литературный источник сюжетов в «Русских народных картинках» и иконописи // Филевские чтения 16–19 мая 1995 г.: Тезисы докладов. М.: [Б.и.], 1995. С. 41–44.
- 10 *Крылов А. О.* Митрополит Димитрий Ростовский в церковной и культурной жизни России второй половины XVII – начала XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. 375 с.
- 11 *Макарий (Булгаков), иеромонах.* История Киевской академии. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1843. 226 с.
- 12 Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. И. Субботина. М.: Братство святого Петра Митрополита, 1876. Т. 2. 430 с.
- 13 *Мухин Н. Ф.* Киево-Братский училищный монастырь. Исторический очерк. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1893. 450 с.
- 14 *Попов М. С.* Святитель Димитрий Ростовский и его труды. 1709–1909. СПб.: Типо-литография М. П. Фроловой, 1910. 350 с.
- 15 *Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 896 с.
- 16 *Смолич И. К.* История русской церкви. 1700–1917 // История русской церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Кн. 8. Ч. 1. 799 с.
- 17 Сочинения св. Димитрия, митрополита Ростовского. М.: [Б.и.], 1849. Т. V. 452 с.
- 18 Сочинения св. Димитрия, митрополита Ростовского. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1903. Т. III. 644 с.
- 19 *Федотова М. А.* Украинские проповеди Димитрия Ростовского и их рукописная традиция. Статья 1 // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 51. С. 253–288.
- 20 *Федотова М. А.* Украинские проповеди Димитрия Ростовского и их рукописная традиция. Статья 2 // Труды отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. Т. 52. С. 409–431.
- 21 *Шляпкин И. А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб.: Тип. и хромолит. А. Граншель, 1891. 580 с.
- 22 *Эспань М.* История цивилизаций как культурный трансфер / пер. с фр.; под общ. ред. Е. Е. Дмитриевой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 816 с.
- 23 *Янковска Л. А.* Литературно-богословское наследие святителя Димитрия Ростовского: восприятие иезуитской науки XVI–XVII вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994. 337 с.
- 24 *Charipova L. V.* Latin Books and the Eastern Orthodox Clerical Elite in Kiev, 1632–1780. Manchester and N.Y.: Manchester University Press, 2006. 272 p.

- 25 *Espagne M., Werner M.* Transferts. Les Relations interculturelles dans l'espace franco-allemand (XVIIIe et XIXe siècle). Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1988. 476 p.
- 26 *Iorga N.* Byzanz après Byzance. Bucarest: Associations Internationale d'Etudes du Sur-Est Européen, 1971. 272 p.

© 2019. **Liudmila B. Sukina**
Pereslavl-Zalessky, Russia

**DIMITRY ROSTOVSKY'S HOMILETICS
AND TRANSFER OF EUROPEAN HUMANISM INTO CULTURE
OF THE RUSSIAN BAROQUE OF THE EARLY 18TH CENTURY**

Abstract: One of the most important issues while studying the establishing of Russian culture of the early Modern Age and its characteristic features is the understanding of mechanisms of its transformation associated with the reception of European Renaissance and Baroque humanism. The article involves the theory of cultural transfer (M. Espagne, M. Werner) to solve this problem. Church leaders and intellectuals who came from Ukrainian and Belarusian lands played a major role in intercultural communications between Europe and Russia at that time. The purpose of this article is to examine the intellectual path of Dimitry Rostovsky (Tuptalo) as an active participant of the transfer process shaping new cultural intentions that resulted in the phenomenon of the Russian Enlightenment. The paper highlights stages of the intellectual development of Dimitry: studying at the Kiev Academy, preaching at the bishop's court in Chernigov. Particular attention is paid to the "Moscow" period of its activity (since 1701), when due to new socio-cultural conditions his rhetorical and literary receptions of Jesuit eloquence that he had mastered during previous period (the sources of which were works of Polish preachers for pupils of Ukrainian religious schools), underwent transformation. Dimitry's homiletics turned out to be an important part of that relay field, through which the transfer of ideas, images and meanings of European humanism into the religious culture of Russian baroque was carried out.

Keywords: Russian culture, Eastern Slavic Baroque, European humanism, homiletics, cultural transfer.

Information about author: Liudmila B. Sukina — DCs in History, Associate Professor, The Program Systems Institute of RAS, Petra Pervogo St., bld. 4 a, 152021, village Veskovo, Pereslavl-Zalessky dist., Yaroslavl reg., Russia. E-mail: lbsukina@gmail.com

Received: February 06, 2019

Date of publication: September 28, 2019

For citation: Sukina L. B. Dimitry Rostovsky's homiletics and transfer of European humanism into culture of the Russian baroque of the early 18th century. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 53, pp. 21–33. (In Russian)

REFERENCES

- 1 *Arkhiv Iugo-Zapadnoi Rossii* [Archive of South-Western Russia]. Kiev, Universitetskaia tipografiia Publ., 1873. Part 5. Vol. 1. 636 p. (In Russian)

- 2 Briskina-Miuller A. M. K voprosu o vliianii dukha gumanizma i Prosveshcheniia na lichnost' i trudy vospitannika Kievskoi akademii prepodobnogo Paisiia Velichkovskogo [On the influence of the spirit of humanism and Enlightenment on the personality and works of the pupil of the Kiev Academy St. Paisius Velichkovsky]. *Trudy Kievskoi Dukhovnoi akademii* [Proceedings of the Kiev Theological Academy]. Kiev, Kievskaiia dukhovnaia akademiia i seminariia Publ., 2016, vol. 25, pp. 249–264. (In Russian)
- 3 Dimitrii Rostovskii. *Chuda presviatoi i preblagoslovennoi Devy Marii* [Dimitry of Rostov. The miracle of the blessed and most holy Virgin Mary], preparation of the text, introductory article comments by M. A. Fedotovoi. Chernigov, Vera i zhizn' Publ., 2013. 96 p. (In Russian)
- 4 Evgenii (Bolkhovitinov), mitropolit. *Slovar' istoricheskii o byvshikh v Rossii pisateliakh dukhovnogo china Greko-Rossiiskoi tserkvi* [The historical dictionary of the Russian spiritual writers of the Greco-Russian Church's rite]. Moscow, Russkii Dvor Publ., 1995. 416 p. (In Russian)
- 5 Znamenskii P. V. *Dukhovnye shkoly v Rossii do reformy 1808 goda* [Theological schools in Russia before the reform of 1808]. St. Petersburg, Letnii sad Publ.; Kolo Publ., 2001. 800 s. (In Russian)
- 6 Znamenskii P. V. *Istoriia Russkoi Tserkvi: uchebnoe rukovodstvo* [The history of the Russian Church: a training manual]. Moscow, Krutitskoe patriarshee podvor'e Publ.; Paris, Bibliotheque slave de Paris Publ., 1996. 474 p. (In Russian)
- 7 Kameneva T. N. Chernigovskaia tipografia, ee deiatel'nost' i izdaniia [Chernihiv printing house, its activities and publications]. *Trudy Gosudarstvennoi biblioteki SSSR im. V. I. Lenina* [Proceedings of the State library of the USSR. V. I. Lenin]. Moscow, Biblioteka im. V. I. Lenina Publ., 1959, vol. 3, pp. 224–383. (In Russian)
- 8 Korzo M. A. *Ukrainskaia i belorusskaia katekhizicheskaia traditsiia kontsa XVI–XVIII vv.: stanovlenie, evoliutsiia i problema zaimstvovaniia* [Ukrainian and Belarusian catechetical tradition of the late 16th–18th centuries: formation, evolution and the issue of borrowing]. Moscow, Kanon+ Publ., 2007. 672 p. (In Russian)
- 9 Kruming A. A. Kniga sviatogo Dimitriia Rostovskogo “Runo oroshennoe” kak literaturnyi istochnik siuzhetov v “Russkikh narodnykh kartinkakh” i ikonopisi [The book of St. Dimitry of Rostov “Fleece irrigated” as a literary source of plots in “Russian folk pictures” and iconography]. *Filevskie chteniia 16–19 maia 1995 g.: Tezisy dokladov* [The Fili readings in May 16–19, 1995: Abstracts]. Moscow, Without Publ., 1995, pp. 41–44. (In Russian)
- 10 Krylov A. O. *Mitropolit Dimitrii Rostovskii v tserkovnoi i kul'turnoi zhizni Rossii vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII vv.* [Metropolitan Dimitry of Rostov in the Church and cultural life of Russia in the second half of 17th — early 18th centuries: PhD thesis, summary]. Moscow, 2014. 375 p. (In Russian)
- 11 Makarii (Bulgakov), ieromonakh. *Istoriia Kievskoi akademii* [History of the Kiev Academy]. St. Petersburg Tipografia K. Zhernakova Publ., 1843. 226 p. (In Russian)
- 12 *Materialy dlia istorii raskola za pervoe vremia ego sushchestvovaniia* [Materials for the history of the schism for the early times of its existence], edited by N. I. Subbotina. Moscow, Bratstvo sviatogo Petra Mitropolita Publ., 1876. Vol. 2. 430 p. (In Russian)
- 13 Mukhin N. F. *Kievo-Bratskii uchilishchnyi monastyr'. Istoriicheskii ocherk* [The Kievo-Bratsk monastery school. Historical essay]. Kiev, Tipografia G. T. Korchak-Novitskogo Publ., 1893. 450 p. (In Russian)

- 14 Popov M. S. *Sviatitel' Dimitrii Rostovskii i ego trudy. 1709–1909* [Saint Dimitry of Rostov and his works. 1709–1909]. St. Petersburg, Tipo-litografiia M. P. Frolovoi Publ., 1910. 350 p. (In Russian)
- 15 Sazonova L. I. *Literaturnaia kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremia* [Literary culture of Russia. Early modern period]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006. 896 p. (In Russian)
- 16 Smolich I. K. *Istoriia russkoi tserkvi. 1700–1917* [History of the Russian Church. 1700–1917]. *Istoriia russkoi tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow, Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyria Publ., 1996. Book 8. Part 1. 799 p. (In Russian)
- 17 *Sochineniia sv. Dimitriia, mitropolita Rostovskogo* [Works of St. Demetrius, Metropolitan of Rostov]. Moscow, Without Publ., 1849. Vol. V. 452 p. (In Russian)
- 18 *Sochineniia sv. Dimitriia, mitropolita Rostovskogo* [Works of St. Demetrius, Metropolitan of Rostov]. Kiev, Tipografiia Kievo-Pecherskoi lavry Publ., 1903. Vol. III. 644 p. (In Russian)
- 19 Fedotova M. A. *Ukrainskie propovedi Dimitriia Rostovskogo i ikh rukopisnaia traditsiia. Stat'ia 1* [Ukrainian sermons of Dimitry of Rostov and their handwritten tradition. Article 1]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of ancient literature]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999, vol. 51, pp. 253–288. (In Russian)
- 20 Fedotova M. A. *Ukrainskie propovedi Dimitriia Rostovskogo i ikh rukopisnaia traditsiia. Stat'ia 2* [Ukrainian sermons of Dimitry of Rostov and their handwritten tradition. Article 2]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of ancient literature]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2001, vol. 52, pp. 409–431. (In Russian)
- 21 Shliapkin I. A. *Sv. Dimitrii Rostovskii i ego vremia (1651–1709)* [St. Dimitry of Rostov and his time (1651–1709)]. St. Petersburg, Tipografiia i khromolitografiia A. Transhel' Publ., 1891. 580 p. (In Russian)
- 22 Espan' M. *Istoriia tsivilizatsii kak kul'turnyi transfer* [History of civilization as a cultural transfer], translation from French; edited by E. E. Dmitrievoi. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 816 p. (In Russian)
- 23 Iankovska L. A. *Literaturno-bogoslovskoe nasledie sviatitelia Dimitriia Rostovskogo: vospriiatie iezuitskoi nauki XVI–XVII vv.* [Literary and theological heritage of St. Demetrius of Rostov: the perception of Jesuit science in 16th–17th centuries: PhD thesis, summary]. Moscow, 1994. 337 p. (In Russian)
- 24 Charipova L. V. *Latin Books and the Eastern Orthodox Clerical Elite in Kiev, 1632–1780*. Manchester and New York, Manchester University Press Publ., 2006. 272 p. (In English)
- 25 Espagne M., Werner M. *Transferts. Les Relations interculturelles dans l'espace franco-allemand (XVIIIe et XIXe siècle)* [Transfers. Intercultural relations in the Franco-German Space (18th and 19th century)]. Paris, Éditions Recherche sur les Civilizations Publ., 1988. 476 p. (In French)
- 26 Iorga N. *Byzanz après Byzance* [Byzanz after Byzantium]. Bucarest, Associations Internationale d'Etudes du Sur-Est Européen Publ., 1971. 272 p. (In French)